

УДК 94(57)
ББК 63.3(2)521.2(253)

Т. В. Паликова
г. Улан-Удэ, Россия

Чита – центр Забайкальской области последней четверти XIX в. (по материалам забытого документа)

Автор представляет описание Читы конца 1880 – начала 1890-х гг., написанное спустя полвека по гимназическим воспоминаниям. В статье анализируется образ города, запечатлённый в памяти очевидца, в сравнении с другими городами региона; приводятся некоторые неупомянутые, но имевшие место в данный период детали его жизни, делается вывод о закономерности подобного восприятия молодого города, ещё не обладающего достаточным экономическим и культурным потенциалом и традициями.

Ключевые слова: воспоминания, Чита, образ города, экономическое и культурное развитие, благоустройство.

T. V. Palikova
Ulan-Ude, Russia

Chita – Center of Zabaikalian Region in the Last Quarter of the 19th Century (based on the Forgotten Document)

The author presents a description of Chita in late 1880's – early 1890's, written half a century later and based on the gymnasium memories. The article analyzes the town, embodied in the memory of a witness, and compares it with other towns of the region. Some unmentioned details of its life are given as they took place in that period. The regularities of such perception of a new town, yet with insufficient economic and cultural potential and traditions are revealed in the article.

Keywords: memories, Chita, town image, economic and cultural development, improvement.

Чита – место резиденции военного губернатора Забайкальской области – не единожды была предметом внимания современников. Известны описания и воспоминания П. А. Кропоткина, А. А. Попова, В. Г. Вейденбаума, И. С. Тяжелова, Э. Циммермана. Облик Читы воспроизводили путеводители по железной дороге и официальные издания [4; 11; 13; 14; 15; 17; 18]. Этот перечень будет неполон, если в общий ряд не ввести еще одного автора-очевидца – М. В. Танского (1869–1862), оставившего для потомков значительное рукописное наследие по истории и культуре Забайкалья досоветского времени¹.

Хранящиеся в НАРБе записки «Чита в конце 80-х гг. девятнадцатого века (1887–1891), очерк (по гимназическим воспоминаниям)» [6] представляют собой ученическую тетрадку с машинописным текстом, превращенную в книжку с иллюстрациями (почтовые открытки с видами Читы) и адресо-

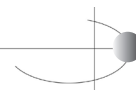
ванную Читинскому краеведческому музею. Воспоминания дают возможность представить облик Читы последней четверти XIX в.

Проделав путь, занявший двое с половиной суток, мемуарист «подъезжал с законным любопытством к неизвестному, новому городу, где предстояло прожить несколько лет. С каждой верстой от последней станции [Черновской – Т. П.] нетерпение нарастало».

Какой же увидел юноша Читы? «Вот потянулось обширное великолепное озеро Кенон, вот свернули... вправо, поднялись на невысокое предгорье, и перед глазами предстала вся панорама Читы. В глубокой широкой котловине, среди зеленых гор, словно бархатом затянутых, раскинулся и растянулся больше в длину город, невзрачный, серенький, чрезвычайно в серости своей однообразный, без всяких более или менее ярких точек, чем-либо выдающихся, которые приковали бы внимание. Спустившись с предгорья, миновали... отдельно разбросанные убогие домишки..., переехали через деревянный мост небольшую речку Читы и оказались в самом центре города».

«Нерадостное первое впечатление... от общего... вида города» подчеркивается цветом («серенький», «серость») усиливается в сравнении с зеленью гор), уменьшительными суффиксами («убогие домишки», «без заборов домишки»,

¹ Танский Михаил Владимирович (1869–1962) родился 8 ноября в селе Сухобузиме Енисейской губернии в семье акцизного чиновника. Потомок украинского писателя Танского (XVIII в.) и Н. В. Гоголя (по отцовской линии). В 1870 г. семья переехала в Верхнеудинск. В 1879 г. М. В. Танский поступил в Иркутскую, в 1887 г. – перевелся в 6 класс только что открытой Читинской мужской гимназии. В 1891 г. поступил в Казанский университет, где обучался сначала на естественном, а затем на медицинском факультетах, закончил докторантуру при университетской клинике. В 1905 г. вернулся в Верхнеудинск.

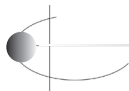
«Дома и домишки», «в небольшом домишке»), частотой их повторения. Город неслучайно «серый» (цвет старого дерева и качество: невзрачный, однообразный, «впечатление – убогой серости»): «Выглядела Чита больше деревней, каменных домов раз, два..., вся она была деревянной. Дома и домишки, разделённые бесконечными заборами, ютились по трем длинным улицам, протянувшимся параллельно реке Чите, впадавшей неподалеку, за чертой города в Ингоду. Даже две церкви и те были деревянные...». Кстати сказать, впечатление от города М. Танского мало чем отличается от того, какое составил о Чите Преосвященный Мелетий, епископ Селенгинский, во время своей миссионерской поездки в 1879 г.: «Вид местности, занимаемой городом, довольно великолепен, но сам город далеко не живописен. Будучи построен на глубоких песках..., с множеством покосившихся избушек, торчащих в беспорядке, он возбуждает в посетителе очень невыгодное впечатление». Разделяет эти два «восприятия» почти десять лет. И в 1891 г., когда были опубликованы заметки Мелетия, город создавал прежнее впечатление: «В настоящее время Чита обстроилась довольно прилично; есть и каменные дома; одно, что придаёт Чите вид деревни, это то, что в ней нет ни одного каменного храма; даже собор доселе остается деревянным» [9].

«Малость» города передаётся через сопоставление двух величин: обширность Кенона и небольшая речка Чита; значительная протяжённость озера и малая – улиц с уютными домами. Конечно, М. В. Танский невольно сравнивал город, в котором ему предстояло жить и учиться, с Иркутском и Верхнеудинском. А сравнивать было с чем. Губернский Иркутск по праву считался одним из лучших городов Сибири. Верхнеудинск хотя и не мог похвастаться шириной инфраструктуры, имел вполне respectable вид, соответствующий его положению в Забайкалье: архитектура центра подчёркивала торговый характер поселения, а специфика ордерной системы исключала визуальное однообразие. Однако за пределами центра по улицам тянулись «одноэтажные в три, пять окон домики, разделённые на почтительные расстояния один от другого заборами, все со ставнями, наглухо закрывавшимися на ночь на болты» [7, л. 2 об]. Не исключением в этом смысле были и другие города Сибири даже в начале XX в. [11]. Видимо, внешний вид жилых строений Верхнеудинска, на взгляд автора, был более привлекателен (ср.: «домики» в Верхнеудинске и «домишки» в Чите).

О благоустройстве города читаем: «ноги топились в сыпучих песках (тротуары отсутствовали)... за исключением Амурской и Большой улиц, остальные как будто и названий не имели... Город прорезывал довольно глубокий овраг, совершенно

не благоустроенный. На Амурской и Большой улицах были перекинута через него мосты... Полное отсутствие зелени... еще более способствовало унылому виду города – нигде ни одного общественного садика, ни одного цветника. Только и ласкали глаз красивые зеленые горы». Справедливости ради заметим, что многие сибирские города не отличались уличным благоустройством. Между тем, авторы «Экономического состояния городских поселений», несмотря на утверждение «пыль поднимается здесь при малейшем ветре», считали, что «так как город построен на твердом песчаном грунте, проезд по его улицам довольно удобен и без мостовых» [20]; а 20 лет спустя А. И. Попов найдет в этом обстоятельстве положительное свойство: «Природа (песок, воздух, солнце) хранит город от эпидемий» [17, с. 160]. Да и родной город автора страдал от пыльных бурь; правда, в 1880-х гг. здесь 10 из 15 улиц имели тротуары. И «садики» были: ещё в 1850-х гг. на Атамановской площади Читы возле дома наказного атамана разбили одноимённый сад, а в конце 1870-х гг. в Верхнеудинске на Базарной площади высадили деревья в «Александровском» саду. В Чите, как и в других городах области, «уличного освещения – фонарей не существовало, но и в самые тёмные ночи по безлюдным улицам города можно было ходить безопасно – грабежей и убийств не бывало, не процветало и воровство». Единственным освещённым местом в это время в Чите был мост через р. Кайдаловка [17, с. 160].

«Промышленность в городе отсутствовала, рабочий класс как таковой, не существовал; имелся примитивно устроенный пивоваренный завод Першина, за рекою Читой... кое-какие скромные магазины, ни колбасной, ни кондитерской, ни булочной... Имелся... базар, но с продовольствием... в Чите дело обстояло много слабее, чем, например, в Верхнеудинске, где в окружности было густое сельское население, по соседству жили семейские с их крепкими хозяйствами, которые являлись, пожалуй, главными кормильцами города, а Селенга и близкий Байкал давали в изобилии разнообразную... рыбу. Не так обстояло дело в Чите. Деревень и сёл вокруг города было мало, больше с казачьим населением, которое и само существовало бедновато и... рыбными богатствами не славилось». Добавим, что в Чите была установлена ярмарка, имевшая местное значение, однако в отчетах городского управления можно было встретить замечания о том, что «в это время торговля производится обыкновенным порядком, а ярмарки вовсе не заметно» или «на ярмарку мануфактурных изделий из других городов привозимо не было, а продавались... обыкновенные окружные припасы, доставляемые окрестными жителями» [2].

Промышленное развитие города было действительно слабым. Так, в 1884 г. на 5559 жителей приходилось всего 9 промышленных заведений с 35 рабочими. Анализируя развитие фабрично-заводской промышленности области, военный губернатор М. П. Хорошкин констатировал: «Окружная промышленность превысила городскую в 28 раз» (1889). Это положение сохранялось и в последующие годы. Предприятия обрабатывающей промышленности, а они преобладали в структуре промышленного комплекса области, предпочтительнее размещать вблизи источника сырья, поэтому заводчики и фабриканты разворачивали производство в сельской местности, тем самым способствуя развитию округа. В городах же доминировали небольшие производства кустарного типа, на которых работал чаще всего сам хозяин и 1–3 наёмных работника. Ещё в 1910 г., по данным Забайкальского областного статистического комитета, в Чите действовали 34 промышленных заведения с оборотом в 508 720 р. и 263 рабочими [3].

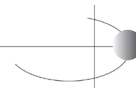
В воспоминаниях уделено внимание культурному развитию Читы. В городе «имелась частная библиотека купца Немерова. Надо сказать весьма приличная. Выписывались различные журналы и газеты, да и выбор книг был достаточно обширный», их могли читать и гимназисты. Частная библиотека купца М. М. Немерова для посещения публики открылась в 1871 г. В начале 1880-х гг. владелец пожелал передать ее в безвозмездное пользование при условии устройства бесплатной читальни. Город не обладал достаточными средствами и не принял дар. История читинских библиотек восходит к началу 1860-х гг., когда на частные пожертвования была открыта библиотека при Общественном собрании. В 1880-х гг. «Подписчик» информировал читателей «Сибири» о том, что в библиотеке «выбор книг... довольно бедный, ...набита она переводными романами издания Ахматова и Львовой и очень немногими романами русских писателей; о книгах же серьезного содержания нечего и говорить; их почти в ней нет». Между библиотеками существовала негласная конкуренция. Выдача свежих номеров изданий в городской библиотеке затягивалась (периодика попадала к читателю, «когда в частной библиотеке... поступает уже следующий номер»), она теряла клиентов, несмотря на месячную плату в 60 к. Материально обеспеченные читатели предпочитали платить один рубль за чтение в библиотеке Немерова [10].

«Ближе всего и роднее для меня была гимназия...», – пишет М. В. Танский и более подробно освещает гимназическую жизнь. История создания Читинской мужской гимназии общеизвестна, нет необходимости повторять её ещё раз.

Ко времени её открытия в городе, нуждающемся в образованных кадрах, работало приходское училище, детский приют, средние специальные учебные заведения. Судя по месту расположения школ, образованию уделялось приоритетное значение: на Атамановской площади «находился дом губернатора, ...здания областного правления, офицерского собрания, городского училища и пожарной команды с каланчою. На Большой улице в двухэтажном деревянном доме помещалась мужская гимназия и рядом с нею в одноэтажном, довольно обширном здании женская шестиклассная прогимназия. На той же улице, тоже в двухэтажном доме помещался гимназический пансион учеников на 30».

Правда, здание гимназии было «не приспособленным к своему назначению и с открытием каждый год нового класса становилось всё теснее и теснее. Никаких подсобных к учебе кабинетов не существовало». Гимназию возглавлял К. Ф. Бирман, «с ног до головы немец, высокого роста, дородной комплекции, вежливый и справедливый, ...важничавший и далёкий от ученической массы. Его уважали, но особенной любви не питали. Учительский персонал был почти весь молодой..., но всё же между учительскою средою и ученическою... не только не существовало дружеского контакта, но это были два враждебных лагеря». По штатному расписанию в гимназии служили 16 человек (1889). «Классы по количеству учеников были небольшие, ... 25–30 человек. В нашем пятом – числилось 11 учеников, к восьмому дошло 7, аттестат зрелости получили шесть». Плата за обучение для проживающих в пансионе составляла 330 р., для «приходящих» – 40 р. в год, при этом 10 % гимназистов по представлению свидетельств о несостоятельности родителей, так же, как и дети служащих в ведомстве народного просвещения, освобождались от платы за обучение.

Гимназисты-пансионеры «жили в пансионе затворнической жизнью под бдительным оком воспитателей», проживавшие с родителями, у родственников или на частных квартирах находились «под надзором учебного ведомства» [16]. Танский обитал «в небольшой, скромной мебелированной комнате на полном довольствии (чай, обед, ужин), а уплачивал хозяйке за всё это благоденствие 30 рублей в месяц». Хотя жизнь на частной квартире с платой за обучение была дороже, но гарантировала некоторую свободу. Некоторую, поскольку «суровый толстовский режим пытался рядить юношу в костюмчики мальчика, и хотя ... костюмчики то и дело лопались по всем швам, ... свобода юноши... стеснялась, и полноправным членом общества ему быть не полагалось».

«В гимназии существовал хороший гимназический хор, пели и в церкви», а «по праздникам... собирались в гимназии, и... парами ходили... во вторую более отдалённую церковь. Тоже бывало и при говении на 7 неделе великого поста». Свободное время занимали прогулки с друзьями по окрестностям, «да изредка забирались в существовавшую гостиницу, распить бутылку-другую пива («исключительно из духа противоречия») и побаловаться пельменями».

Зададим вслед за М. В. Танским вопрос: «Существовала ли тогда в городе общественная жизнь?» «Несомненно, существовала, но только в весьма слабых проявлениях. В городе не было... общественного клуба, и публика довольствовалась офицерским собранием, куда далеко не всякому был открыт доступ; в офицерском собрании танцевали и немало танцевали, играли в карты, ставились изредка любительские спектакли и этим скромно ограничивались. В карты играли и по частным квартирам, процветали, главным образом, винт, стуколка, преферанс». Последние были любимым времяпровождением не только читинцев, о чем свидетельствует и сам Танский в воспоминаниях о Верхнеудинске [7, л.29об], и корреспонденты сибирских газет [1; 12].

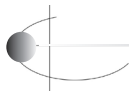
В городе, в котором не было «ни театра, никаких проезжих артистов, ни каких-либо популярных лекций, никакой просветительной работы, ни газеты... ничего, что скрашивало бы жизнь и одухотворяло её», такой досуг был вполне естественным. Ощущение безысходности будет ещё большим, если мы переставим некоторые предложения в авторском тексте: «Вообще жизнь того времени текла в Чите не хуже и не лучше, чем в любом захолустном российском городишке – затхло, сонливо,... без устремления вперед к... светлым целям и идеалам. Один день походил на другой почти с фотографической точностью», карты же давали «возможность убивать свободное время, которое иначе девать было некуда». Довершая неприглядную картину общественной жизни, Танский продолжает: «Чита была город чиновничий, живший больше двадцатым числом (получка жалованья), город военщины, подчинённой дисциплине и субординации». Это утверждение может быть понято как бездуховность существования, подчиненного материальному благополучию. А может, и иначе. Чита считалась достаточно дорогим по уровню жизни городом области. Жалованье чиновников, большинство которых принадлежало к низшим разрядам, было небольшим командированные из Центральной России многие из них имели даже служебной квартиры, снимая жильё, да и на поддержание статуса требовались достаточные средства.

Категорично заявив, что в городе в 1880-е гг. не было газеты, М. В. Танский ниже добавил: «Правда, печаталась газета "Забайкальские областные ведомости", но эта газета носила исключительно официальный, казенный характер». Несмотря на расширение в последующем программы («Неофициальный раздел», «Прибавления»), она сохраняла свой характер. Кстати, на это же указывал и Н. Н. Бурлаков, служивший в эти годы [5].

Однако согласиться полностью с характеристикой, данной городу, нельзя. Тем более что автор скорее всего не знал некоторых сторон его общественной жизни («гимназисты были, конечно, в стороне от общественной жизни») или они ему казались несущественными. Как известно, на протяжении многих лет в офицерском собрании проводились лекции на специальные и общеобразовательные темы с участием приглашённых лекторов. Не мог не знать М. В. Танский о ежегодном войсковом празднике 17 марта, отчёт о котором публиковался в официальной прессе. Не упомянуты церковные праздники и царские дни, хотя принимал в них участие. Город в это время преображался. Ещё в 1874 г. генерал-губернатор Восточной Сибири призвал жителей «обычай знаменовать высокаторжественные дни украшением домов флагами, а вечером иллюминацией», причем домовладельцы вывешивали «флаги числом сообразно величине и высоте зданий, но не менее двух на небольшой дом» [8].

Не стоит забывать о том, что Чита – один из молодых городов Забайкалья. Имея статус областного центра, ей нужно было ещё преодолеть сельский менталитет жителей, побороть их привычку к «природности», накопить культурный потенциал, да и просто грамотных людей – очень сложная задача для вчерашней деревеньки, какой она была в 1851 г. И все же за 30 лет ей удалось заложить основы дальнейшего развития, которые позволят городу сделать значительный рывок вперед к «губернскости» и по праву занять ведущее положение в области.

Заканчивая свой «беглый очерк», М. В. Танский понимал, что, возможно, он «многих не удовлетворит, в особенности в части общественной жизни старой Читы», но надеялся, что «очерк даст читателю все же некоторое представление о старой Чите, о жизни в ней». И призывал читателя «не... забывать того, что написан очерк по гимназическим воспоминаниям». Тем и ценны эти воспоминания, что написаны через восприятие юноши, имевшего свой ещё максималистский взгляд на жизнь, взрослым человеком, получившим огромный социальный опыт. Без этих воспоминаний представления современников о Чите будут неполными.

Источники

1. Восточное обозрение. 1885. № 20.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.1(о). Оп.1. Д. 992. Л.135; Д.1271. Л.210об.
3. Там же. Д.2273. Л.и11об; Ф. 19. Оп. 1. Д. 232. Л. 85.
4. ГАЗК. Ф.Р-1411. Оп.1. Д.1. Тяжелов Н. С. Прошлое Читы.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.
6. НАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.
7. НАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 6.
8. НАРБ. Ф.128. Оп.1. Д. 1703. Л. 1–2.
9. Прибавления // Иркутские Епархиальные ведомости. 1891. 23 марта. № 12.
10. Сибирь. 1882. 6 июня.

Список литературы

11. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 290.
12. Бутакова Н. В. Досуг горожан Алтая в конце XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2005. С. 177.
13. Вейденбаум В. Г. По Восточному Забайкалью // Исторический вестник. 1913. Январь. С. 205–223.
14. Долгоруков В. Д. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России. Томск, 1889. 569 с.
15. Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М., 1992. 464 с.
16. Памятная книжка Забайкальской области на 1890 год. Чита, 1890. 135 с.
17. Попов А. А. Город Чита. Чита. 1907. 305 с.
18. Циммерман Э. По Великой Сибирской железной дороге // Вестник Европы. 1903. Кн. 2. С. 486–512.
19. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. 461 с.

Рукопись поступила в редакцию 11 марта 2011 г.